

КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К МИРУ И ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Ф. А. КАРАПЕТЯН

Основательные, кардинальные изменения претерпевает учение марксизма. Особенно значимыми среди этих инноваций выступают переориентации и переосмысления в самом теоретическом и идейном ядре учения—в философии, которые, безусловно, нельзя трактовать как прямые следствия и реакции на экономические и политические трансформации, охватившие как мир социализма в целом, так и нашу страну. Есть, наверно, и последнего типа нововведения (точнее было бы их назвать псевдофилософскими мимикриями), однако аутентичные, адекватные призванию философии инновации, во-первых, носят концептуальный, порою и парадигмально-концептуальный характер, и, во-вторых, как правило, опережают трансформации в материальной жизни общества, подтверждая тем самым жизнённость философии как теоретической идеологии.

Не претендуя на всеохватный анализ всего круга инноваций философии марксизма-ленинизма в нашей стране, обратим внимание на кардинальную ее переориентацию в обеспечивающем ее категориальном сдвиге, до поры до времени остававшемся незаметным не только для широкой общественности, но и определенной части профессионалов.

Речь идет о настоящем мировоззренческо-антропологическом повороте в философии марксизма, парадигмально-концептуальном ее обращении на человека. Следует заметить, что утверждения типа: «проблема человека—центральная в философии марксизма-ленинизма» имелись в арсенале философии «диамата и истмата» даже в самые мрачные периоды ее существования. Однако истинным призванием отмеченных формулировок было идеологическое прикрытие и назначение или на экспорт—в целях «доказательства» гуманности социалистической идеологии, или на обвалывание собственного народа. Отсюда и необходимость провести принципиальную дифференциацию между декларациями—заверениями типа лозунгов, заклинаний и концептуальными трансформациями философии, как правило, сопровождавшимися изменениями в семантике и структуре понятий, сложными перестановками проблем и тем философии и т. д.

Антропологический сдвиг в философии, существенным образом предваряющий и идеологически обеспечивающий более тесную ориентацию на человека в социально-экономических и политических сферах нашего общества, явным образом обнаруживается в начале 70-х годов. Коротко отмеченный сдвиг можно выразить в виде следующих тезисов: философия есть не просто особая наука, а самостоятельная форма общественного сознания; основная, исходная и самая интегральная функция всякой философии—мировоззренческая; предмет и назначение философии—в особом рода теоретическом осмыслении предельных принципов (оснований) отношения человека к миру и к самому себе¹. Как нам представляется, последовательная реализация новой установки в самой ткани философского мышления существенным образом приблизила бы философию марксизма к одной из влиятельных интеллектуальных традиций европейского философствования—фило-

¹ См.: «ФЭ», т. 5, с. 332; В. А. Лекторский, В. С. Швырев. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательных аспектов в марксизме—В кн.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983, с. 9 и др.

софского трансцендентализма, разумеется, с ее принципиально иной диалектико-материалистической интерпретацией.

В контексте отмеченной переориентации существенным образом должны видоизменяться и другие ипостаси марксистско-ленинской философии, в частности, интересующая нас в данном случае интерпретация предметной области и природы философской методологии.

Дифференциация методологического знания по типам и уровням, предложенная В. А. Лекторским и В. С. Швыревым², нам представляется весьма убедительной. По предложенной авторами концепции, высшим и интегративным типом методологического знания выступают философские принципы и категории, от методологического функционирования которых существенным образом зависит содержание и направленность общенаучных и частнонаучных методологических построений.

Взаимодействие философии и других форм сознания, хотя и реализуется во многом как объективный процесс, однако его специфика определяется и тем, какова природа рефлексивной самоидентификации соотносящихся духовных феноменов. В данном случае нас интересуют не объективно реализуемые методологические функции марксистско-ленинской философии, а те коррективы, которые возможно внести в понимание методологической роли марксистско-ленинской философии, исходя из определенной, именно теоретико-мировоззренческой, интерпретации предмета ее.

Как справедливо отмечают наши ведущие методологи: «В отличие от специальных научных приемов и методов анализа научного знания, касающихся отдельных сторон познавательного процесса, материалистическая диалектика все методологические проблемы рассматривает с точки зрения основных характеристик человеческого отношения к миру, т. е. в форме проблемы субъект-объект. Само знание рассматривается в материалистической диалектике как момент, сторона более богатого целого, включающая различные формы человеческого отношения к реальности»³.

Стало быть, человеческое познание в качестве предмета философской методологии в марксистско-ленинской философии рассматривается как проявление теоретического отношения человека к миру, а истинную природу последнего возможно выявить, если рассматривать его как элемент в целостной системе отношений человека к миру. А эта последняя есть система мировоззрения, которая не есть просто сумма взглядов на мир, а основные программные принципы созпательного восприятия человеком действительности. И поскольку ключевой категорией для мировоззренческого определения философии (так и для понимания мировоззренческого сознания вообще) служит категория «отношение человека к миру», то естественно было бы ожидать такую степень разработанности этой категории, которая соответствовала бы выполняемой ею основополагающей функции. А между тем у нас имеется достаточное основание утверждать, что в нашей специальной литературе отсутствует более или менее приемлемая философско-теоретическая экспликация отмеченной категории, вследствие чего авторы «отношенческого» подхода к определению философии и ее функций вынуждены оперировать психологическими, интуитивными, а то и вовсе обыденными представлениями об отношении человека к миру и к самому себе.

Таким образом, экспликация категории «отношение человека к миру» имеет принципиальное значение для теоретико-мировоззренческого осмысления предмета философии, следовательно, и для ее методологического функционирования.

Другая линия аргументации вышеизложенного тезиса представляется таковой. Одним из всеобщих определений методологического подхода является осознание деятельности, выявление структуры деятельности. А деятельность есть всеобщая форма проявления отношения человека к миру. Следовательно, если допустить классификация методологических подходов по типам деятельности, то бо-

² См.: В. А. Лекторский, В. С. Швырев. Методологический анализ науки (типы и уровни).—В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972 г.

³ Предисловие к кн.: «Материалистическая диалектика, Краткий очерк теории», М., 1980, с. 25.

лее радикальный подход в этом вопросе—выявление зависимости характера и форм методологического анализа от типов отношений человека к миру.

С категорией «отношение человека к миру» мы встречаемся у классиков, начиная с «Философско-экономических рукописей» и особенно с «Немецкой идеологии», где она несет кардинальную функцию демаркации специфически-человеческого способа бытия от нечеловеческого. «Там, где существует какое-нибудь отношение,— пишут К. Маркс и Ф. Энгельс,— оно существует для меня: животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится», для животного его отношение к другим не существует как отношение»⁴. При этом суть исходного, принципиального различия между животным и человеком они усматривали не в сознании, как Г. Гегель, или в специфическом устройстве человеческого организма, как Л. Фейербах, а в том, что человек—уникальное существо, условия существования и сущность которого не даны в готовом виде как налично сущее, а являются продуктом его же самопорождающей, творческой деятельности. Исходно таков был логико-мировоззренческий запрос на мыслительную схему «отношение человека к миру», которая впоследствии обогащалась и конкретизировалась по мере становления марксистской философской теории человека.

Моментами конкретизации и границами концептуального понимания человеческого отношения к миру у классиков являются: понимание последнего как особого типа активности, в которой выделяются субъект и объект; социальный характер и генезис отношения человека к миру; взаимозависимость, тройственное единство отношения человека к миру, отношения мира к человеку и отношение человека к самому себе; выделение 3-х типов отношения человека к миру (материально-практический, духовно-практический и теоретический) и идея их координированности и соподчиненности в целостной жизнедеятельности человека. Элементы такого понимания разбросаны у основоположников в форме идей, принципов, постулатов, догадок и эмпирических констатаций в разных сочинениях. Адекватная их интерпретация и придание им формы целостной концепции может быть результатом определенной экспликационной деятельности. Не вдаваясь в детали последней, отметим самое существенное.

Отношение человека к миру—фундаментальная философско-мировоззренческая категория, отражающая специфический класс связи человека с миром, который характеризуется волевой, свободной, избирательно-направленной, внутренне раздвоенной на идеальный и материальный планы, сознательной и самосознательной целостной активностью. Перечисленные главные характеристики составляют содержание рассматриваемой категории, а человек и человеческое общество—ее объем.

Отношение человека к миру отличается тем, что оно связывает явления не симметрично-равнонаправленным образом, а так, что одна из сторон выступает как автономно-иницирующее начало. Воспроизводя такой тип связи, где сам человек творит и определяет характер и направленность взаимоотношений между собой и миром, категория «отношение человека к миру» тем самым закладывает основы новой схемы мышления, посредством чего единство мира и человека осмысливается исходя не из объекта мира, а из субъекта—человека.

Отношение человека к миру не просто разновидность целесообразной и целеустремленной деятельности, а на порядок выше—целесолагающая деятельность, которая отличается по меньшей мере двумя существенными моментами—раздвоением жизнедеятельности на два (идеально-духовный и материально-практический) плана и созданием новых целей деятельности.

Что касается содержательного состава отношений человека к миру, следует сказать, что, в отличие от концепций идеалистически ориентированной философской антропологии, рассматривающих отдельные типы психической деятельности (особенно сфера аффективно-волевого) как единственных репрезентатов отношения человека к миру, в марксистско-материалистической интерпретации составляющими последнего можно считать не только все без исключения психически-сознательные явления, но и материально-практическую предметную деятельность человека. Вследствие чего рассматриваемая категория призвана осуществлять серьезные интегративно-синтетические функции, способствующие преодолению не-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 19.

редко чрезмерного противопоставления идеального и материального не только в философии, но и в культуре в целом.

По своему статусу «отношение человека к миру» одна из фундаментальных категорий философии, характеризующаяся не только универсальным осмыслением специфики человеческого бытия, но и столь же специфичной для философских концептов «удержанностью» субъекта в самом своем содержании. На основании и при помощи этой категории реализуется антропологический подход в философии.

Не касаясь истории методологического «соприкосновения» рассматриваемой категории с поисками построения новых частнонаучных теорий (особенно физиологических и психологических), отметим лишь, что натуралистически ориентированное мышление ученых не склонно безболезненно принимать новую парадигму осмысления уникальности человеческого существования, концентрированным выражением чего выступает категория «отношение». Гуманитарии же, по мере радикализации рефлексии о собственной исследовательской деятельности, вынуждены обращаться к названной категории, осваивать ее частное, фрагментарное, логико-методологическое значение.

В свете изложенного особенно узкой и однобокой выглядит существующая (можно даже сказать, доминирующая) интерпретация методологической функции марксистско-ленинской философии, которая очерчивает ее сферу лишь пределами теоретического отношения к миру. Оговаривается, разумеется, что марксистская философия выполняет и функции методологии практического преобразования мира, но на самом деле выясняется, что мы опять-таки имеем дело с оперированием конгнитивными структурами, в конечном счете выступающими как регулятивы практической деятельности. Вместе с тем при определении методологии как «системы принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности»⁵ упущен целый класс деятельности—духовно-практический, который, строго говоря, нельзя свести к предыдущим двум. Попытка же избежать односторонности онтологизма, гносеологизма и логизма, с привлечением принципа единства онтологии, гносеологии и логики, не гарантирует от сциентизма в методологии. «Философская рефлексия, — пишет Э. Г. Юдин, — есть самосознание духовной деятельности вообще, а не какого-то ее определенного вида; это, если угодно, методология всякого познания—как научного, так и личного иного»⁶.

Здесь, можно полагать, мы имеем дело с реликтами гегелевского панлогизма, когда все формы нетеоретического отношения к миру трактуются как этапы и формы становления логического или как разновидности познавательной деятельности. Глубинная предпосылка таких невольно односторонних толкований существования философской методологии даже у ведущих специалистов таится в интерпретации человеческой духовной деятельности как только воспроизводящей, отражающей внедуховную реальность. Категория «отражение», выполняя важнейшую роль в деле детерминистического вписания явлений духовного в натуральный и социальный строй вещей, подспудно совершила мировоззренческо-методологическую экспансию, претендуя на роль не только главного, но и единственного принципа построения методологического знания. Как прямое следствие сказанного, например, методология художественного творчества трансформируется в методологию художественного познания мира, методология политической деятельности— в методологию построения политической идеологии и т. д.

Разумеется, цель методологического анализа—выявление рациональных инвариантных структур в анализируемой деятельности. Однако, во-первых, рациональное не равнозначно конгнитивному и, во-вторых, рациональное может быть сконструировано не только исходя из объекта, но и из субъекта. В частности, целеполагающая деятельность (нравственная, эстетическая, политическая), регулируемая идеалами и нормами и продуцирующая их, нуждается в специальном методологическом анализе, а редукция их к разновидностям отражательной деятельности и создает иллюзию монистического подхода к духовным явлениям, а на деле вынуждает ко всякого рода натяжкам и оговоркам типа относительной самостоятельности, автономии и т. п.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, статья «Методология», с. 365.

⁶ Э. Г. Юдин. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978, с. 87.

Точно так же методологический анализ практического отношения к миру, в частности, трудовой деятельности, никоим образом не исчерпывается выявлением ее познавательно-когнитивных структур и предпосылок, а сводится к выявлению структуры системы этических, эстетических, политических, познавательных и прочих регулятивов практически-предметной деятельности.

Таким образом, самосознание философии как теоретического мировоззрения с привлечением категории «отношение человека к миру» как системообразующей способствует выявлению полного объема категории «методологическая функция марксистско-ленинской философии». Адекватное самосознание философии освобождает ее от роли «служанки» науки, а выполнение ею функции универсальной методологии должно обеспечиваться соответствующими концептуальными средствами.

Ֆ. Ա. ԿԱՐԱՊԵՏՅԱՆ—Աշխարհի նկատմամբ մարդու վերաբերմունքի մասին կոնցեպցիան և փիլիսոփայական մեթոդաբանությունը.—Փիլիսոփայության աշխարհայացքային-մեթոդաբանական վերակողմնորոշման պարագայում առանցքային դիրք է ստանձնում վերաբերմունք կատեգորիան, որը հարկ է էքսպլիկացիայի ենթարկել: Վերաբերմունքի տիպաբանական տարբերակումը պրակտիկ, հոգևոր-պրակտիկ և տեսական ձևերի համապատասխան շտկումներ է մտցնում փիլիսոփայական մեթոդաբանության ավանդական ըմբռնման մեջ՝ որպես միայն տեսական գիտակցության մեջ գործառնող փիլիսոփայական կառույցի, և նույնքան հիմնավոր է համարում փիլիսոփայական մեթոդաբանության յուրահատուկ կիրառությունը նաև մարդու հոգևոր-պրակտիկ և պրակտիկ գործունեության ոլորտներում: